

Курейчик Андрей

ИЛЛЮЗИОН

МОЛОДЁЖНАЯ ПЬЕСА В 3-Х АКТАХ

Действующие лица:

Сандерс Финчер

Молли Браун

Робби Роуз

——— МОЛОДЫЕ ЛЮДИ

Кортни Хьюит

Фэтч Данауэй

Грэгстер Кулинг

Старый Хамфри Богарт

АКТ 1.

Сцена 1.

Довольно тёмное помещение. На полу странный, в человеческий рост продолговатый ящик. Вокруг собрались Сандерс, Молли, Кортни и Роб.

Кортни. (Указывая на ящик). Это оно?

Сандерс. Да...

Роб. Достал?

Сандерс. Купил.

Роб. Твою мать...

Молли. Но... это же настоящий?

Сандерс. Самый настоящий. Использовался двадцать семь раз. Точно говорю. В Честортоне, Чилторне, Бристоле, Гринвиче и даже в Палермо.

Роб. Это в Америке, я знаю.

Кортни. Откуда ты знаешь, Роб? Ты ведь даже не мог показать где Америка на карте величиной с корову. Помнишь, у мисс Грунсдейл на уроке...

Роб. Я только одни карты понимаю. И даю два своих передних зуба, один даже с кариесом, что мисс Грунсдейл в этих картах тоже ни черта не сечёт. А Палермо я знаю потому, что у меня там тётя Мардж живёт и каждое рождество присылает мне открытку и коробку протухших иранских фиников!

Молли. А я люблю финики...

Кортни. Думаешь, нам есть дело до твоей полоумной тётки Мардж и её протухших фиников?

Роб. Я просто...

Сандерс. Ладно, слушайте меня... Теперь у нас есть самое настоящее оборудование. И мы можем начинать.

Роб. Сандерс, а оно работает?

Сандерс. Я проверял. Должно работать. Вроде... Но мне сказали, что работает безотказно.

Молли. Ты, наверное, отдал за это все свои деньги? Сандерс, ты же остался без гроша!

Сандерс. Всё путём, Молли... С этим (он указал на ящик) мы заработаем целое состояние. Я говорю совершенно точно. Целое состояние.

Молли. Но ведь тебе надо же чем-то питаться, пока мы не заработаем это состояние!

Кортни. Говорят, что человек может прожить без пищи пять недель.

Молли. Но Сандерс не может как тот человек — пять недель. Я если не съем завтрака, уже чувствую что не протяну до обеда...

Роб. Это, наверное, йог. Ну тот мудила, что не ел пять недель. Или коммунист. Вот я даже если и съем завтрак, и то через час готов съесть два ростбифа с кровью и жареной картошкой. Не, Сандерс, ты не протянешь пять недель.

Кортни. Я просто так сказала. Я же не предлагаю Сандерсу не есть пять недель. Тупицы вы! Я просто читала в журнале, что человек может прожить без пищи пять недель. Но, может быть, имелся в виду какой-то особенный человек... Я не знаю...

Роб. Я же говорю мудила.

Молли. Что это за слово такое дурацкое?

Роб. Имелся в виду Грэгстер! На нём столько жира, что он, наверное, и до Рождества может ничего не жрать.

Сандерс. Может, не надо о еде?

Роб. А вы знаете, что каждый день Грэгстер съедает по два цыплёнка и выпивает две пинты имбирного пива. Он мне сам рассказывал. Говорит, ему витаминов не хватает.

Молли. Какие же витамины в цыплёнке?

Роб. Их там мало, вот поэтому он жрёт много цыплят. (Хохочет).

Сандерс. Ребята, хватит о еде...

Кортни. Бедняжка, он, должно быть, не успел пообедать...

Роб. У меня есть бутерброд. Хочешь, Сандерс, бутерброд...

Молли. Предлагает тебе Роб!

Роб. Здорово. А дальше?

Молли. Положи ка его в рот!

Кортни. А не то сожрёт урод... Хватит маразма.

Сандерс. Подождите все! Подожди, Роб. Нам надо решить самое главное, то, ради чего мы все собрались.

Молли. Роб, а ты не мог бы мне дать бутерброд? Прости, Сандерс, продолжай... Просто очень кушать хочется.

Сандерс. Надо решить как и что мы будем делать. Оборудование у нас уже есть. Идея есть. Люди есть... Затем вопрос о сроках...

Молли. (*Кортни*). Это правда что девочек вынашивают девять месяцев, а мальчиков на две недели больше? Я читала...

Кортни. (*Молли*). А там не написано сколько вынашивают идиотов? (*Та сразу отстаёт*).

Сандерс. Сроки, это ведь очень важно! Нам надо успеть подготовиться, но нельзя слишком тянуть. Иначе все узнают... А главное условие нашего предприятия — конспирация.

Кортни (*Молли*). Не радуйся, контрацепция это другое...

Сандерс. Главное, неожиданность! Вот что нам всем надо решить.

Кортни. Раз ты главный, Сандерс, тебе и решать.

Роб. Она права, Сандерс, ты заварил эту овсянку, ты и этот, как его — босс! Ты и решай. Правильно я говорю?

Молли. Я согласна. Ничего, что я кушаю?

Сандерс. Ладно, это всё мы определим. Но остаётся самый главный вопрос.

Роб. Как будем делить деньги?

Сандерс. Где мы всё это будем делать.

Молли. А я думала, что здесь...

Кортни. Ты думала — чем? Что ты говоришь? Здесь! Кто нам разрешит здесь?

Сандерс. Вот именно, Кортни. Кто заведует этим залом?

Кортни. Фэтч Данауэй.

Роб. Эта толстуха? Ну и не повезло же нам... Она нас сразу же выгонит, да ещё скажет мистеру Ригетсу... А это, считай, сразу же скандал... Он такой скандалист, этот мистер Ригетс. Как минимум — разбирательства на совете колледжа, а как максимум...

Кортни. Ох уж эти байки про кодекс чести Ридженкортского колледжа! Он ими всех довёл до белого колена!

Роб. А у самого колени красные и бугристые...

Молли. А ты откуда знаешь?

Роб. А он был судьёй на матче между “Ридженкортскими быками” и “Ленсингдэйлскими тюленями”.

Кортни. Если бугристые — значит артрит.

Молли. А кто тогда выиграл?

Роб. Мы! Я...

Сандерс. (*Не выдерживает*). Да послушайте вы! Молли, не отвлекай нас. При чём тут матч?

Молли. Прости, Сандерс, просто интересно. Я тогда уехала к бабушке в Эссекс и пропустила игры кубка колледжей Стафффордшира.

Сандерс. Ладно, потом. О чём мы говорили?

Кортни. О Фэтч Данауэй.

Сандерс. Да, нам нужно найти место. Здесь, конечно, то, что доктор прописал, но эта Фэтч!

Кортни. А, может, разместимся у Роба в гараже?

Роб. Ребята, вы же меня знаете! Я бы с удовольствием предложил вам свой гараж. Да хоть весь дом! Кортни, ты же меня знаешь. Но вот мой отец... Вряд ли ему понравится наша

затея. А это, уж поверьте старику Робу, будет похлеще Совета колледжа! Мистер Ригетс хотя бы не выбивает зубы кочергой...

Сандерс. Нет, нет, нам нельзя чтобы кто-нибудь узнал.

Молли. (Робу). Так это тебе мистер Роуз кочергой зубы выбил?

Роб. Ага.

Молли. Ничего себе... А на вид мистер Роуз вроде нормальный. Однажды мне даже леденец подарил. “На, говорит, тебе леденец”, и улыбнулся так...

Кортни. Да он нормальный... Просто Роб помял его новый Ягуар. Я бы в на его месте зубами себя не ограничивала...

Роб. Да всё из-за этого козла Менкина! Урод! Я его попросил подержать пиво, а этот пьяный ублюдок вылил мне его на брюки. Видите ли, ему сколько времени посмотреть надо было! Сколько времени?! Мерзавец пунктуальный...

Сандерс. Нам надо нейтрализовать Фэтч Данауэй!

Кортни. Шантаж?

Сандерс. Чем? Порочащие связи только в её мечтах...

Молли. Подкуп? Ах да, у нас же денег нет...

Роб. По морде ей пару раз! По морде! Только чтоб её завалить, нам придётся использовать железнодорожную шпалу.

Сандерс. Плохо.

Роб. Ты прав, шпала тоже погнётся...

Сандерс. Нет, есть ещё один способ... И вроде неплохой способ. А? (*Все оборачиваются и смотрят на Робу*).

Роб. Чё? Чё вы на меня вылупились? Не нравится мне, как вы на меня вылупились! Вы что? Ребята, да вы что! Я и Фэтч Данауэй? (*Сандерс кивает*). Я и эта гора чистого бельгийского шпика?

Сандерс. Ну ради общего дела...

Роб. Лучше убейте меня! Или давайте я себя убью! Или давайте я её убью! Убью, спрячу тело, отсижу... Всё что угодно!

Сандерс. Тогда назначат другую сторожиху. А нам нужно это место.

Роб. Ребята, да вы что? Как же я потом в городе покажусь? Я и Фэтч Данауэй! Роберт Роуз младший и самая безобразная корова в Стаффордшире! Это невозможно!

Сандерс. Но ты же понимаешь, что у нас нет другого выхода...

Кортни. Да и Фэтч Данауэй не такая уж и безобразная...

Роб. Кортни!

Кортни. Ты прав, она очень безобразная. Но в ней есть свой шарм...

Роб. Да я лучше скунса под хвост поцелую! Да я лучше выучу четыре главы английской истории! Да я лучше выкину свою коллекцию пивных этикеток! Нет! нет! нет! Это невозможно! Так и знайте — я вам, конечно, друг! Требуйте от меня что хотите, я сделаю для вас всё что угодно! Я готов умереть для вас, даже медленно и мучительно!

Кортни. (*Шепчет Молли*). Под Фэтч как раз и будет медленно и мучительно... (*Они хихикают*).

Сандерс. Но я и Фэтч Данауэй — этого не будет никогда! Никогда! Слышите меня, слушайте все — НИКОГДА!

Пауза.

Молли. А что всё-таки в этом ящике?

Пауза. Все смотрят на ящик.

Сандерс. А... Ящик...

Роб. А действительно, Сандерс, мы же так и не увидели что там?

Сандерс. Интересно? А ведь это очень интересно, да?

Молли. Ну Сандерс, не тяни резинку! Покажи нам.

Сандерс. В этом ящике заключено наше будущее. Здесь, за этими деревянными стенками лежат наши деньги, наша слава, наша судьба! Ясно вам, неандертальцы?

Кортни. Открывай уже, Цицерон!

Роб. Что это за ругательство за такое? Ты, Сандерс, не терпи эти обвинения!

Сандерс. Но перед тем, как я его открою, я хочу, чтобы вы задали себе вопрос — готовы ли вы увидеть это?

Молли. Д...

Сандерс. Нет! Нет! Подумайте хорошенько! Каждый подумайте!

Кортни. Кто умеет...

Сандерс. Заткнись, Кортни! Я говорю серьёзно! Потому что заглянув туда, у вас уже не будет дороги назад. Я ещё раз задаю вам этот вопрос. Ну так что — вы готовы? Роб?

Роб. Да, Сандерс.

Сандерс. Кортни?

Кортни. Да.

Сандерс. Молли?

Молли. Я готова.

Сандерс. Тогда откройте ваши зенки пошире, ибо сейчас вы увидите... Итак, смотрите! *(Он отпирает замочки, цепочки, засовы. Уже поднимает крышку, как вдруг...)*

Чей-то голос. Кто здесь? Я же знаю, что здесь кто-то есть! Кто это? Я всё равно вас споймаю, засранцы вы такие! Теперь уже не уйдёте!

Кортни. Фэтч Данауэй!

Сандерс. Ё... Прячься! *(Он захлопывает ящик. Все смотрят куда бы схорониться).* Быстрее! А ты, Роб, стой здесь!

Роб. Ребята, вы что, не бросайте меня... Пожалуйста!

Сандерс. Стоять!

Кортни. *(Из какого-то угла).* До конца...

Молли. *(Тожже из укрытия).* Мы с тобой, Роб. Держись... *(Все кроме Робера прячутся).*

Пауза.

Сцена 2.

Роб один. Входит Фэтч Данауэй.

Фэтч. Кто здесь? Кто, вашу мать? Отвечайте, а то я сейчас закричу!

Роб. Не надо кричать.

Фэтч. Кто это? Предупреждаю, у меня... тятка!

Роб. И тятки не надо.

Фэтч. Кто это?

Роб. Роберт Роуз.

Фэтч. Робби?

Роб. А, это ты Фэтч! А я уже и напугался. Не узнал тебя, понимаешь? Ты... Ты так изменилась. Да, Фэтч. Так изменилась! *(Пауза).* В лучшую сторону...

Фэтч. Роб, что ты тут делаешь?

Роб. Я?

Фэтч. А что, тут ещё кто-то есть?

Роб. Нет, нет, нет! Ты что, нет! Тут никого нет! *(Слышится шорох. Фэтч подозрительно озирается).* Слушай, Фэтч, хотел с тобой поговорить...

Фэтч. Так что ты тут делаешь?

Роб. Т... Тебя жду.

Фэтч. Меня? *(Роб оглядывается, Сандерс из укрытия делаем ему знаки).*

Роб. Тебя.

Фэтч. А почему здесь? *(Видит ящик).* А это что? Что это? опять какой-то хлам сюда притащили! Хм... Что там внутри? *(Хочет открыть).*

Роб. Это моё. *(Садится на ящик).*

Фэтч. А что там?

Роб. Ничего... Так. Мелочи... Ничего особенного!

Фэтч. Нет, там что-то есть.

Роб. Нет, там ничего нет.

Фэтч. Нет, там что-то есть.

Роб. Ну о чём ты, Фэтч? Что ты? Неужели ты меня в чём-то подозреваешь?

Фэтч. Потому что если бы там ничего не было, ты бы мне показал.

Роб. Ну разве тебе это интересно?

Фэтч. Интересно.

Роб. Нет, тебе не может быть это интересно. Какой-то старый ящик, стоит ну и стоит. Чего тут может быть интересного? Даже мне не интересно. Нет, ты меня интригуешь, Фэтч.

Фэтч. Открывай!

Роб. Нет!

Фэтч. Открывай немедленно или я закричу! Считаю до пяти: раз, два... *(Роб оглядывается, Сандерс показывает ему, что он должен сделать что угодно, но не допустить открытия ящика).* Три, четыре... *(Она отбрасывает Роба, как щенка, и склоняется к ящику).*

Роб. Нет, Фэтч, нет! Я... Я люблю тебя! *(Фэтч останавливается).*

Фэтч. Что ты сказал? *(Где-то захихикала Кортни).*

Роб. Что я сказал? Хм... Я... Я хотел сказать, что я, видимо, имел в виду... То есть. Я... *(Фэтч подходит к нему).*

Фэтч. Это правда, Робби?

Роб. Да... То есть... Что?

Фэтч. Ну то, что ты сейчас сказал.

Роб. А что я сейчас сказал?

Фэтч. Робби, Робби, рано или поздно это должно было произойти! Я знала, я точно знала, что это обязательно произойдёт. Когда-нибудь... Я просто ждала. Ну что же ты, Робби, не стесняйся... Ах ты, хитрун! Что же ты такой робкий? Робкий Робби Роуз! Ах ты затейник! Завлёл меня сюда... Интриговал! Соблазнитель.

Роб. Я? Фэтч, Фэтч, послушай... Всё это, конечно, очень интересно, но в самом деле, нельзя же так...

Фэтч. Конечно, Робби, конечно... Ну повтори мне, повтори!

Роб. Что?

Фэтч. Ну те слова! Те слова! Замечательные слова! Ах, ты такой скрытный, и такой стеснительный... А я тебе так скажу, откровенно. Как говорится, откровенность за откровенность, говорю прямо как на душе — ты мне нравишься! Ну вот, теперь тебе не должно быть страшно — ты не отвергнут.

Роб. Ты уверена? А может...

Фэтч. Нет, теперь тебе больше нет смысла скрывать свои чувства.

Роб. Нет, действительно, Фэтч, я не...

Фэтч. Или ты солгал мне? Или ты разыграл меня? Робби? Посмотри мне в глаза...

Роб. Фэтч.

Фэтч. Знай, если это так, если ты разбил мне сердце, если ты уничтожил во мне веру в человечество, то я... Чего ты вылупился на меня? Так ты любишь меня или нет?

Роб. Люблю.

Фэтч. Ну...

Роб. Что ну?

Фэтч. А теперь спроси меня, хочу ли я стать твоей девушкой.

Роб. А это обязательно?

Фэтч. Да ты что! Я честная девица. Неужели ты думаешь, что я брошусь на шею первому встречному мужчине, который признается мне в любви? Ты же должен доказать серьезность своих намерений. Ты же джентльмен, ты должен добиться моего расположения...

Роб. Ой, ну Фэтч, я...

Фэтч. Ну завоюй меня, Робби! Завоюй! Мой рыцарь круглого стола! Не сдерживай своё естество, свою страсть! Я не буду слишком строга. Я даже не буду слишком сопротивляться... Обещаю.

Роб. Фэтч, ну в общем и целом, хоть мне и нелегко это говорить, но я, хм, тебя люблю. Хочешь со мной встречаться?

Фэтч. Да.

Роб. Но ты же не подумала!

Фэтч. Да!

Роб. Господи, надеюсь, эта затея того стоит... *(Пауза)*.

Фэтч. Ты знаешь, Робби, всё-таки это было не очень романтично.

Роб. А это всё-таки было?

Фэтч. Вот видишь, ты и сам недоволен. Всё-таки тебе надо будет ещё поработать над признанием. Ты должен это делать как Гарольд Роджерс в фильме "Последняя возлюбленная"! Ты помнишь? Он стал перед ней на колени и умолял её, умолял... Ну да ладно, Робби, я на тебя не сержусь. Я тебя на первый раз прощаю. Не этим ты берёшь! Ты знаешь, я тебя полюбила за твою скрытность, за застенчивость... А кроме того у тебя такая фигура...

Роб. И у тебя...

Фэтч. А делаешь вид, будто не умеешь делать девушкам комплементы! Угодник-соблазнитель! Ну чего же ты стоишь? Целуй же меня! Целуй! *(Из углов захихикали)*.

Роб. Куда?

Фэтч. Не задавай дурацких вопросов! *(Подумала и добавила)*. Любимый!

Роб. Не, я не могу так сразу... Всё-таки нам нужно это... лучше узнать друг друга, разобраться во всём, в конце концов, жениться!

Фэтч. Хорошо, я согласна! *(Хватает его и страстно целует)*. Ах, Робби... Мне с тобой так хорошо! Твоя любовь согрела мою юную, чистую душу!

Роб. Мне тоже жарко...

Фэтч. Но теперь мы не должны разлучаться. Мы должны быть вместе. Всегда! Ты ведь не покинешь меня ни на секунду? Правда?

Роб. Э нет, крошка. Жизнь есть жизнь, и не надо бояться смотреть ей прямо в глаза. Но мы будем встречаться... Да, видимо... Иногда. *(Сандерс делает знаки, указывая на ящик)*. Но я с тобой о другом хотел поговорить, Фэтч.

Фэтч. О том, куда мы поедем на каникулы?

Роб. Этот ящик.

Фэтч. Ах да, ящик... Так ты мне покажешь что там? Теперь же тебе можно. Мы ведь теперь парень и девушка, и у нас не должно быть тайн друг от друга.

Роб. Покажу, потом.

Фэтч. Так а что там?

Роб. Я и сам не знаю, честно говоря... Но это не самое главное. Фэтч. Милая... Не побоюсь этого слова, красавица. Мне... нам нужна твоя помощь.

Фэтч. Вам? Кому это вам?

Роб. Понимаешь, Фэтч, ребята: ну, Сандерс, Молли, Кортни — ты же их знаешь всех, и я. Ну в общем нам нужно место. Ну чтобы собираться...

Фэтч. Спариваетесь? *(Где-то снова захихикали)*.

Роб. Что ты... У нас есть идея, да, и этот ящик... Но нельзя, чтобы кто-нибудь об этом узнал, иначе все труды насмарку. А ты заведешь этим складом, у тебя ключи и всё такое. Вот я и подумал, что здесь было бы идеально. Ну, если конечно ты не возражаешь. И разрешишь...

Фэтч. Разрешу что?

Роб. Ну чтобы мы, я и ребята здесь готовились...

Фэтч. Готовились к чему?

Роб. Ну как, мы хотим организовать... цирк.

Пауза.

Фэтч. Цирк?!

Роб. Ну это идея Сандерса. Он знает что к чему, и этот ящик... Он говорит, что это золотое дно. По шиллингу за билет, мы считали. А мне как раз нужны деньги. Я помял Ягуар — ну и ты понимаешь...

Фэтч. Короче, вы хотите тут репетировать?

Роб. Ну да! Здесь на отшибе, спокойно, а это должно быть всё в тайне. Сюрприз, понимаешь? Мистер Ригетс не должен догадаться, иначе он нам всю малину испортит, это точно! А главное, чтобы родители не знали. А то мой отец мне остальные зубы повыбивает — это уж только дай ему повод. А потом, что же он поделает? Назад время не открутишь! Ну и всякое такое... Короче, здесь нам самое место. Так ты не против, Фэтч?

Фэтч. Вообще-то, это не разрешается. Я не знаю...

Роб. Ну пожалуйста, Фэтч. Дело горит! Сандерс все деньги свои на это потратил.

Фэтч. Просто, если узнают... Мистер Ригетс меня... Нет, нельзя.

Роб. *(Оглядывается. Сандерс делает ему знаки, мол надо уговорить).* А хочешь с нами?

Фэтч. Что?

Роб. В долю.

Фэтч. То есть?

Роб. Ну поучаствовать... Хочешь вступить в наш цирк?

Фэтч. Я? Кем?

Роб. Ну вряд ли канатоходкой... Хм. У нас просто каната нету, такого. Да нет, Сандерс что-нибудь тебе подберёт! Он умный, он всё это задумал. Подумай, Фэтч, это же интересно! И денег заработаешь. Золотое дно, серьёзно говорю.

Фэтч. И ты там участвуешь?

Роб. Да я там участвую.

Фэтч. Я? В цирк? Я в цирк... Да, этот зал подойдёт. А никто не будет против, что я...

Роб. Я их уговорю.

Фэтч. Я ведь твоя девушка...

Роб. Ну как-нибудь уговорю. Так что, по рукам?

Фэтч. Конечно, любимый. Это будет так интересно! А главное, мы сможем быть вместе. Я ведь всегда буду рядом. Всё время, представляешь?

Роб. *(Со вздохом).* Представляю... Но с трудом. Ладно, Фэтч, не будем дело откладывать в долгий ящик. Давай, сходи проверь, чтоб, значит, никого поблизости не было. Ну чтобы нас, того не тревожили.

Фэтч. Это тайна, как мумия Тутанхамона, да?

Роб. Не знаю этот сериал. Давай, Фэтч, проверь... А я пока позову ребят.

Фэтч. А где они?

Роб. Да здесь недалеко... Встречаемся тут, у ящика. Пока... *(Фэтч собирается уходить, Роб уже делает всем знак, чтобы вылезли, как вдруг она возвращается).*

Фэтч. Робби! Ты ведь сказал мне всё это, ну про любовь и фигуру, и что ты хочешь, чтобы я стала твоей девушкой, не для того, чтобы получить этот зал? Потому что если этот так, то ты мне просто разобьёшь сердце...

Роб. Конечно нет, Фэтч. Разве я могу тебя так обманывать? Роузы никогда не были подлецами, до меня, и всегда отвечали за свои слова... Я сказал так, потому что... потому что...

Фэтч. Ну?

Роб. Потому что я так думал.

Фэтч. Ах Робби, ты такой замечательный! И я так и знала, что мне когда-нибудь повезёт. Но и тебе тоже повезло, так и знай! Ты, конечно, не Гарольд Роджерс, но я тебя люблю также сильно!

Роб. Фэтч, это всё хорошо, слов нет, а теперь за дело...

Фэтч. Ах да, конечно... Но я не могу так уйти. Ты ведь не отпустишь меня без поцелуя.

Роб. Фэтч...

Фэтч. Так и быть, один раз. *(Он вздыхает, затем подходит к ней и целует).* Встречаемся здесь...

Роб. Здесь.

Фэтч. Пока, мой любимый... *(Посылает ему воздушный поцелуй и грациозно уходит).*

Сцена 3.

Роб. Господи, что я наделал? *(Из своих укрытий выходят Сандерс, Молли и Кортни).*

Сандерс. Ну я тебе скажу, друг, ты — монстр! *(Пожимает руку и обнимает).* Ты просто гений! Не ожидал... Честно. Я бы не смог! Так, быка за рога! Просто нет слов... Нет, действительно, Роб, уважаю!

Молли. *(Тожже обнимает Роба).* Молодец, Робби... Ты настоящий друг. Мы этого никогда не забудем...

Кортни. После такого я бы на твоём месте повесилась. *(Жмёт его руку и отходит).*

Роб. Ребята, я действительно это сделал?

Молли. Да.

Роб. Только не обманывайте меня! Я действительно поцеловал этот пятак?

Кортни. Дважды.

Роб. Ребята, я побывал по ту сторону жизни. Вы можете мне не поверить, но её рот похож на пудинг с вареньем и салом. Но лучше поверьте! Такого я не пожелаю никому, даже этому барану Менкену. Хотя нет, Менкену пожелаю, чтоб ему... Я думал, что меня вывернет прямо сразу... Но я выжил! Всё-таки я выжил!

Молли. На, хочешь мятную подушечку?

Роб. Да.

Кортни. Я бы на твоём месте жевала её быстрее. Твоя булочка возвращается. *(Роб кидается бежать).*

Сандерс. Держите его! Держите... *(Ему не дают убежать).* Ты что, хочешь всё дело завалить!

Роб. Пустите, пустите, вашу мать! Что хотите со мной делайте, только я больше никогда, никогда не... *(Входит Фэтч).*

Фэтч. Робби? *(Все застывают).*

Сандерс. Привет, Фэтч. Как дела?

Фэтч. Привет Сандерс, привет Моли, хэлло, Кортни. Робби мне всё рассказал про ваше предприятие. А он рассказал вам, что мы, это?... Не смотри на меня так! Он такой скрытный... Ну не важно. Он уговорил меня разрешить вам здесь репетировать. Он такой хороший уговорщик, этот Робби Роуз. Такой...

Роб. Фэтч!

Фэтч. Он сказал, что я тоже могу поучаствовать.

Сандерс. Можешь, Фэтч, если захочешь... Мы тебе подберём хорошее амплуа, придумаем номер.

Фэтч. Так вот ещё Робби сделал мне предложение стать его девушкой.

Роб. Фэтч!

Фэтч. И я согласилась...

Санدرس. Господи, Роб, как я рад за тебя, дружище! Честное слово, завидую!

Кортни. Да ему просто повезло! Раздолбаям всегда везёт.

Фэтч. Но он меня долго упрашивал.

Кортни. Не знаю, Фэтч, правильно ли ты сделала, дав ему шанс. Эти мужики такие ненадёжные... Козлы. А ты как думаешь, Молли?

Молли. А мне кажется, как получилось — так получилось, и нечего об этом говорить попусту!

Фэтч. Правильно, Молли. Робби, чего ты там стоишь? Иди сюда, стань рядом. Нам теперь нечего стесняться. Мы теперь вместе... Вот так... Ну вот, теперь у вас есть это место. А что же дальше?

Сцена 4.

Санدرس. Дальше? Дальше мы начинаем. *(Он подходит к ящику и все тоже окружают ящик).* Вы готовы?

Молли. Да.

Кортни. Да.

Роб. Да.

Фэтч. К чему?

Санدرس. Я открываю! Алле ап! *(Он цирковым жестом открывает створки ящика, и там — цирковой реквизит: рапиры, костюмы, цилиндры, булавы, связки платков и т.д.).*

Молли. Ух ты!

Роб. Ни хрена себе! Тут же хватит на целую русскую труппу!

Кортни. Да, с этим мы уж если шандарахнем, так шандарахнем!

Санدرس. Газетчики, точите ваши перья! Скоро у вас будет много работы...

Фэтч. А мне что достанется?

Кортни. “А мне что достанется?” Ты уже сегодня получила своё счастье! Что тебе ещё надо? Мы же сами это всё в первый раз видим!

Фэтч. Ну я просто спросила...

Санدرس. Сейчас мы это и решим.

Молли. А почему эти платочки верёвочкой связаны?

Санدرس. Молли, я тебя прошу, положи. Потом посмотришь.

Молли. *(Шепчет Фэтч).* Я знаю, это фокусник их из шляпы вытягивает... Один платочек закладывает, а вытягивает много на верёвочке...

Санدرس. Послушайте меня все! Это всё не игрушки. Цирк — искусство особое. Самое высшее из всех искусств! В цирке никогда ничего просто так не получается. Нам придётся очень, очень много работать! Это должно быть самое лучшее представление, понимаете?

Фэтч. Лучше русских?

Молли. Итальянцы тоже ничего...

Санدرس. Лучше всех! Иначе не хрен даже начинать! Ясно? Пусть я лучше потеряю все деньги, пусть подохну с голоду, пусть мою кровь выпьет мистер Ригетс, чем стану плохим циркачом! Можно быть дрянным артистом или художником, или писателем — это могут не заметить, это могут упустить, простить, подумать, что ты заумный авангардист и всё такое, и что твоё искусство оценят другие поколения, запудрить всем мозги, но нельзя скрыть, если ты дрянной циркач! Потому что либо номер получился, либо нет. Либо ты уходишь с овацией, либо с позором! А у нас должно получиться! И это то!

Молли. Что то?

Санدرس. Я не знаю, что то. Я не знаю ради чего живут люди, кроме того как набить брюхо и кошелек. Но я думаю прожить жизнь не так тупо и бессмысленно. Я лучше буду каждый день входить на арену и делать чудеса! По-моему эта цель не хуже...

Роб. Нет, Сандерс, я бы деньги не сбрасывал со счетов. Разве ты так не думаешь?

Сандерс. Ну насчёт денег, может, я погорячился... Жить же надо.

Кортни. И слава... Я читала про одну воздушную гимнастку во Франции — мадам Бонвентур. Так её даже в Елисерском дворце принимал их президент и даже дал ей орден Французского гарнизона!

Фэтч. Серьёзно?

Кортни. Только это было давно...

Фэтч. А сейчас что?

Кортни. А сейчас... Она свалилась с трапеции, сломала ногу и два ребра и стала членом парламента.

Фэтч. Я хочу быть воздушной гимнасткой. (*Все посмотрели на неё*). А что? Что такое?

Кортни. Ничего. Ты видишь в этой коробке подъёмный кран?

Фэтч. Нет.

Кортни. Вот и я не вижу...

Роб. Я хочу быть силовым атлетом. Чем плохо быть силовым атлетом?

Фэтч. Да, да, пусть все увидят твои мускулы, Робби, твою фигуру, пусть все увидят какой ты сильный! У меня...

Сандерс. Значит, ты, Роб, будешь атлетом. Отлично! Я буду иллюзионистом.

Молли. Фокусником?

Сандерс. Иллюзионистом! Это же разные вещи! Как дешёвый сидр и лучший эссекский джин! Как какой-нибудь там Чайковский и Энималз! Понимаешь разницу? Мой номер будет называться “Великий Иллюзион!” Это будет самый великий трюк со времён Мерлина, точно говорю. Но мне нужна ассистентка.

Кортни. Хорошо, Сандерс, так и быть, я буду твоей ассистенткой.

Сандерс. Больше нет желающих?

Молли. Не знаю, я бы тоже попробовала... Иллюзион, это, наверное, так интересно.

Сандерс. Хорошо, Молли, мы с тобой покажем этот номер. Кто ещё остался без дела?

Роб. Фэтч и Кортни.

Сандерс. Фэтч и Кортни... Кортни, кем ты хочешь быть?

Кортни. Ассистенткой иллюзиониста.

Сандерс. Но у иллюзиониста уже есть ассистентка.

Фэтч. Это Молли... Разуей глаза.

Сандерс. Нет, тут уже ничего не поделаешь. Может быть ты выберешь себе другой номер?

Кортни. Что-то не хочется.

Фэтч. Может, тебе стать ассистенткой ассистентки?

Кортни. Заткнись, пудинг! (*Подходит к ящику, роется, достаёт шарики и булавы*). Я буду жонглёршей!

Роб. Ты, жонглёршей?

Кортни. Я жонглёршей. Это кого-то не устраивает? Что, кто-то против?

Сандерс. Нет, нет, что ты... Конечно, как хочешь... Итак, у нас есть силовой атлет, жонглёрша и иллюзионист — по-моему, уже солидно. Так, но у нас ещё Фэтч осталась. Фэтч, кем бы ты хотела быть в нашем цирке?

Кортни. (*Тихо*). Дрессированной слонихой...

Фэтч. Я не знаю, я вообще не люблю цирк. Вот если бы вы решили снять кино или устроить театр...

Кортни. (*Тихо*). Или организовать турнир сумоистов...

Сандерс. А как ты к музыке относишься?

Фэтч. (*После паузы*). Я её слушаю.

Молли. Я тоже слушаю, Элвиса, — он мой король!

Сандерс. Фэтч, а умеешь играть на каком-нибудь инструменте?

Фэтч. Училась на тромбоне.

Сандерс. То что надо. Будешь — человек-оркестр! Понимаешь, в каждом цирке должен быть оркестр. Так положено. Цирк без оркестра, как девушка без... без ног. Глупо как-то выглядит и сводить никуда нельзя. Вот ты и будешь нам оркестр, даже с образованием. Парад але будешь играть, туш, трубить фанфары, смертельные номера и всякое такое... *(Подумал)*. Музыка всё-таки великое искусство!

Фэтч. Да, я это смогу. Мне это нравится. У меня слух хороший. Это мне мисс Лукас сказала, ну та, из музыкальной школы. Она была как настоящий Бетховен.

Роб. Играла хорошо?

Фэтч. Ничего не слышала. Я буду человеком-оркестром. Я буду стучать каждый раз, когда мой Робби будет делать свои штучки-дрючки. Только где мои инструменты?

Сандерс. Всё там, там... Это же чудо ящик — иллюзион!

Сцена 5.

Голос. А ничего у вас не получится. *(Все оборачиваются, на пороге стоит Грэгстер и что-то ест)*. А ничего у вас не получится. И никакого Иллюзиона вам не будет.

Молли. Грэгстер.

Роб. Влипли...

Грэгстер. Потому что я сейчас расскажу всё мистеру Ригетсу, а потом расскажу всё вашим родителям. И что будет, спросите вы? А я вам расскажу... Тебя, Фэтч, выгонят с работы вашей. А ваше поведение рассмотрят на Совете колледжа, где вы явно выиграете приз “Неудачники года”. Тебе, Роуз, папаша выбьет остальные зубы, благо их немного осталось. А твои родители, Сандерс, когда узнают, куда ты потратил их денежки, устроят тебе такой цирк, что мало не покажется. Нет, а в целом у вас тут интересно, трогательно... *(Поворачивается, чтобы уходить)*.

Сандерс. Э, э, Грэгстер, Грэгстер!

Фэтч. Меня выгонят! Я так и знала, меня из-за вас выгонят! Робби! *(Начинает пискливо реветь, пытаясь уткнуться ему в жилетку)*.

Роб. Ну Фэтч, Фэтч, тебя только выгонят... А мне по зубам дадут. *(Фэтч начинает реветь ещё сильнее)*.

Сандерс. *(Задерживая Грэгстера)*. Эй, Грэгстер, погоди, не уходи. Погоди. Слушай, может, договоримся как-нибудь?

Грэгстер. *(Дождёвывая)*. Шумно у вас тут.

Кортни. *(Робу)*. Заткни её.

Роб. Как?

Кортни. Поцелуй.

Фэтч. Да, да, это может помочь... *(Хватает Роба и страстно целует, затихая)*.

Грэгстер. *(Глядя на это)*. Даже так? Трогательно.

Сандерс. Слушай, мы тебе потом всё объясним.

Грэгстер. Вот погода сегодня какая-то непонятная, правда? Настроение не то! *(Подходит к реквизиту)*. Значит, цирк решили организовать? Трогательно. Цирк... Честно говоря, джентльмены, Ридженкортский колледж ещё не знал такого позора. Так скажет мистер Ригетс на Совете колледжа, когда я ему расскажу...

Сандерс. А может, не рассказывай.

Молли. Да, Грэгстер, что тебе стоит?

Грэгстер. Что мне стоит? Я честный человек. Но погода сегодня неприятная. Голова как-то гудит. Нет, неужели вы хотите толкнуть меня на вопиющий обман?

Кортни. Какой обман, просто помолчи пока.

Грэгстер. Э нет, нет. А вот спросит меня сегодня мама, где был, что видел, что же я ей отвечу?

Сандерс. Ну скажи, что был здесь, видел нас — про цирк не говори.

Грэгстер. А спросит, о чём мы говорили? Нет, это ложь, я не могу. Мне будет стыдно перед Святой Девой Марией. Я же не могу обманывать перед Святой Девой Марией, правильно? А кроме того, какой мне интерес вас покрывать?

Кортни. Давай начистоту, чего ты хочешь?

Грэгстер. Воздух какой-то спёртый...

Кортни. Здесь Фэтч. Чего ты хочешь?

Грэгстер. Ну чего, чего... Доброты вот в мире не хватает.

Сандерс. Не дури нам голову, Грэгстер. Давай решим всё любовно.

Роб. *(Освобождаясь от объятий Фэтч).* Грэг, умоляю, не тяни, я же так долго не смогу — видишь, на что мы пошли ради... *(Фэтч снова лезет к нему целоваться).*

Грэгстер. Трогательно. Ну расскажите мне про этот ваш цирк.

Молли. Сандерс всё придумал. А мы с ним. Мы хотим быть свободными людьми, зарабатывать деньги и путешествовать. Мы уже решили кто кем будет: Роб — силачом, Кортни — жонглёршей...

Грэгстер. Знаю, знаю, я всё слышал...

Сандерс. Всё?

Грэгстер. Всё-таки как-то душно...

Сандерс. Грэгстер.

Грэгстер. Я увидел, что вы идёте сюда... А с чего это? Небось, рассудил я логически, Сандерс затевает какую-нибудь очередную афёру. После производства стелек из циновок и бриллиантов из карандашей, я ожидал чего угодно. Но чтобы цирк!

Молли. А по-моему цирк — это прекрасно!

Грэгстер. Прекрасно это цыплёнок “Гурнь” с трюфелями под соусом “Коктебель”. Мама мне его сегодня приготовит. А цирк — это цирк.

Роб. Так что, заложишь?

Фэтч. И тогда меня выгонят на улицу... *(Снова начинает реветь).*

Роб. Фэтч, заткнись. Я тебя больше целовать не буду. Пока...

Грэгстер. Меня погода сегодня беспокоит. Влажность... Когда влажно, мне всегда хочется грызть ногти. Честное слово, ничего не могу с собой поделать.

Кортни. А когда сухо, вылизывать себе подмышки. А когда снег, мазать волосы салом.

Грэгстер. Вы знаете, мне в жизни только однажды попалась остроумная женщина. И та немая.

Сандерс. Слушай, Грэгстер, надо договориться.

Грэгстер. Но денег-то у тебя, как я понял, нет.

Сандерс. Денег нет.

Грэгстер. Нет... *(Вздыхает).* Нет в жизни счастья...

Сандерс. Счастья, может, и нет, зато есть вакансия в нашей труппе.

Грэгстер. Какая?

Кортни. Индюка говорящего...

Грэгстер. Та была немая... и мёртвая.

Сандерс. Нам нужен человек, который умеет, ну знаешь, решать проблемы. Ловишь? Утрясать дела, улаживать вопросы с властями там, с газетчиками. Нам нужен свой деловой человек, который просчитывает вперёд на два хода. Сечёшь?

Грэгстер. Продолжай, продолжай...

Сандерс. Цирк это тоже бизнес. У меня есть люди, капитал, место, идея. Но нет деловой жилки. А эта жилка есть у тебя.

Кортни. Я бы даже сказала, жила.

Грэгстер. Жила — не рыло, жить не мешает. Сам придумал. О! Так что ты конкретно предлагаешь?

Роб. Да он тебе предлагает это, быть техническим, финансовым директором. Соглашайся, классная должность.

Молли. Солидная...

Сандерс. Ага. А ещё нам нужен клоун. (*Пауза*).

Грэгстер. Кто?!

Затемнение.

АКТ 2.

Сцена 6.

Зал их уже переоборудован под цирковую арену. Везде разложен, развешан реквизит. Ящик иллюзиониста собран и стоит вертикально. Створки открыты. Сандерс один, чистит шпаги для своего номера. Входит Кортни.

Кортни. А, Сандерс, ты здесь?

Сандерс. Заходи, Кортни. Что-то забыла?

Кортни. Да. То есть нет... Я иногда прихожу сюда, просто так, поупражняться в жонглировании. Здесь тихо и покойно, никто не досаждаёт тебе глупыми приставаниями... И здесь хорошо думается.

Сандерс. Да, я заметил. А о чём ты здесь думаешь?

Кортни. О разных вещах. Иногда я думаю, что вот я сижу здесь и думаю, что где-то далеко, на другом конце земли сидит также человек и думает, что я тоже где-то далеко от него сижу. В эту же секунду. И тогда я подмигиваю ему, хоть знаю, что он далеко, и даже ничего не знает обо мне. Но для меня, он уже близкий, ведь он думает обо мне... А может быть, кто-нибудь в эту секунду также сидит и думает обо мне на совсем другой планете.

Сандерс. Ты веришь в марсиан?

Кортни. Да. Но они не такие как мы...

Сандерс. Зелёные?

Кортни. Человечные.

Сандерс. А ещё о чём?

Кортни. А ещё о том, сколько в мире тупиц, отморозков и уродов. Иногда я думаю, как бы было хорошо собрать их в одном месте, на каком-нибудь острове. На острове в Тихом океане. Представь, целый остров подонков и отбросов! А потом на остров сбросить ядерную бомбу...

Сандерс. Да, интересно... Но, мне кажется, трудно иногда определить кто хороший человек, а кто нет.

Кортни. Да, они хорошо притворяются... А ещё я думаю об Эйнштейне.

Сандерс. О чём?

Кортни. Ну о том, что всё в мире относительно. И что время относительно. И мы относительны. И только скорость света постоянная. И мне становится так грустно...

Сандерс. Да, это грустно.

Кортни. Вообще-то я сейчас пришла не для того, чтобы упражняться. Я хотела поговорить с тобой. Если ты не очень занят.

Сандерс. Ну не знаю. Уже поздно...

Кортни. Почему ты не взял меня ассистенткой в "Иллюзион"?

Сандерс. А что такое?

Кортни. Но я же первая подняла руку. Я первая сказала, что хочу быть ассистенткой. А ты взял Молли Браун.

Сандерс. Да? А я и не заметил...

Кортни. Заметил. Все заметили. Ты мне дал пощёчину, и все это заметили, все, даже жирная, тупая Фэтч Данауэй.

Сандерс. Ты преувеличиваешь, Кортни. Ну честное слово, я не хотел тебя обижать. Так получилось, что теперь поделаешь?

Кортни. Ну ты должен хотя бы извиниться.

Сандерс. Ну извини.

Кортни. Нельзя извиняться, как будто делаешь одолжение. Ты же не с котом миссис Поттер разговариваешь, а с человеком. Нельзя с людьми так, Сандерс.

Сандерс. Просто, что ворошить прошлое? Раз уж так получилось. Я честно не хотел причинять тебе боль и всё такое, не хотел разговаривать с тобой, как с котом миссис Поттер. Да я с ним вообще даже не разговариваю! Кто он мне этот кот, исповедник что ли... Просто так получилось, Кортни.

Кортни. Просто так получилось. Нож в сердце — просто так получилось.

Сандерс. Кортни...

Кортни. Хорошо. Пусть так...

Сандерс. Я, наверное, первым должен попасть твой остров. Да?

Кортни. Ответь мне только на один вопрос, почему она, почему Молли?

Сандерс. Мне кажется, она лучше влезет в этот ящик.

Кортни. Чуть! Я прекрасно влажу в этот ящик. *(Показывает, заходя в ящик)*. Он по моему росту. И у меня фигура лучше. А она — коротышка — головой до верха на фут не достаёт.

Сандерс. Табуретку поставим.

Кортни. *(Выходит из коробки)*. А ты говоришь, ящик...

Сандерс. Слушай, Кортни, зачем ты пришла? Чего ты от меня хочешь? Ты хочешь, чтобы я отстранил Молли и взял тебя в ассистентки? Ну ладно, я порожу её уступить тебе, если ты так настаиваешь...

Кортни. Я ни на чём не настаиваю. Я не прошу ничего. Мне не надо ни чьих подачек. Не надо мне, чтобы она ходила потом павой и всем рассказывала, что из жалости уступила Кортни Хьюит место ассистентки...

Сандерс. Кортни.

Сандерс. Не надо, Сандерс, не надо. Я ещё не потеряла понятие о собственном достоинстве, в отличие от всех остальных. Я не пришла тебя упрашивать. Зачем? Мне просто, мне просто надо было знать. И я узнала. Я буду жонглёршей. Мне нравится быть жонглёршей, нравится упражняться. В этом красота, изящество, воздушность... Мне нравится.

Сандерс. Я рад за тебя.

Кортни. Просто... Просто иногда надо думать о людях, а не только о своём цирке.

Сандерс. Я и думаю, Кортни, вот именно, я и думаю... *(Кортни усмехается и выходит)*.

Сцена 7.

Ей навстречу входит Молли. Кортни гордо проходит мимо, не удостоверив её даже взглядом.

Молли. Что это с ней?

Сандерс. День неудачный. Случается...

Молли. Она на меня так посмотрела, как будто у меня змеи из ушей полезли.

Сандерс. Ну и сравнения у тебя, Молли.

Молли. А мама говорит — это образы. Мама говорит образами мыслить надо. Она говорит, что все великие мыслят образами, а не мыслями. Она у меня тоже такая... Например любит сказать вот так что-нибудь, мол у тебя платье как помятый бронзовый таз, или ты выглядишь, как будто тебя семь раз изнасиловали... Ну плохо, значит, выглядишь.

Сандерс. Интересные образы у твоей мамы.

Молли. Я от неё тоже учусь.

Сандерс. У тебя получается.

Молли. Спасибо, Сандерс. Ты знаешь, мне кажется, я знаю, почему Кортни на меня так посмотрела. Она тоже хотела быть ассистенткой в твоём номере, а ты её не взял. Она первая подняла руку, а ты её всё равно не взял. А меня взял. Я ещё тогда удивилась, ведь она такая

шикарная. За ней все парни приударяют, а она их с презрением отшивает. А к тебе она сама попросилась. Почему ты так поступил?

Сандерс. Потому что захотел.

Молли. Ясное дело. Раз делаешь так, значит хочется. А почему?

Сандерс. Потому что мне кажется, что мой иллюзион должен быть именно с тобой.

Молли. Расскажи мне про него...

Сандерс. Про что?

Молли. Про этот номер. Про иллюзион.

Сандерс. Хорошо. Я тебе расскажу, если хочешь. Но обещаю, что ты сохранишь в тайне всё, что сегодня узнаешь.

Молли. Это тайна?

Сандерс. Это величайшая из тайн.

Молли. Я обещаю.

Сандерс. Это будет почти в самом конце программы. Главный номер, апофеоз всего представления. Нас объявят и под музыку и гром аплодисментов выйдем мы. Ты — в ослепительном белом платье на зависть всем модницам и красоткам Стаффордшира! Я в загадочном и шокирующем костюме иллюзиониста! Мы влюблены друг в друга. Но чтобы проверить в любовь, я предлагаю тебе смертельное испытание: ты должна стать в этот тесный, тёмный, страшный ящик, (*заводит её в ящик, из проёма выглядывает только её лицо*) я прочно запру тебя в нём на цепи и засовы... Защёлкну замок. Затем я возьму эти шпаги, настоящие острые клинки. И спрошу тебя, любишь ли ты меня? “Люблю”, — скажешь ты. Тогда я тебе скажу, что если наша с тобой любовь настоящая, если она сильнее смерти, прочнее стали и дерева, честнее страха, выше надежды, то эти клинки пройдут сквозь ящик и не причинят тебе никакого вреда. А если мы лжём друг другу, или кто-то из нас лжёт, то метал насквозь проткнёт твоё тело...

Молли. Какой ужас!

Сандерс. Но это же всё обман. Иллюзия. Смотри... (*Он запирает ящик, берёт рапиры и подходит к ней*).

Молли. (*В ужасе*). Сандерс... (*Он молчит*). Мне страшно, Сандерс. Прошу тебя, выпусти меня... Прошу...

Сандерс. Тихе. Смотри! (*Засовывает рапиру в специальное отверстие, всё глубже и глубже, и вдруг кончик шпаги показывается с противоположной стороны ящика. Затем берёт другую шпагу, протыкает ящик с другой стороны. Третью. И наконец последнюю он вонзает в нарисованное на дверце мелом большое сердечко, как раз напротив того места, где должна быть грудь девушки. Молли, ошеломлённая, смотрит на него. Пауза.*). Что ты чувствуешь?

Молли. Ничего...

Сандерс. Вот видишь, значит мы друг друга не обманываем. Наша любовь настоящая — крепче стали, сильнее смерти... И ничего и никогда не сможет её уничтожить. (*Вынимает рапиры. Открывает дверцу*). Вот, собственно, и весь иллюзион.

Молли. Но Сандерс...

Сандерс. Ты не подумай. Я не...

Молли. Это было так потрясающе, Сандерс! Просто ошеломительно. Мне как лампу снесло, так бы сказала моя мама. На миг я даже поверила... Я ощутила эту любовь, такую сильную аж сердце сжалось. Сжалось в орех, если мыслить образами... И когда ты подходил ко мне с этой шпагой, я любила тебя больше всего на свете! Больше жизни! И когда её остриё вышло с другой стороны, я тоже поняла, что эта любовь настоящая! Что её ничего не победит, хоть втыкай в меня тысячу шпаг! Вот, что я почувствовала тогда.

Сандерс. А сейчас?

Молли. Сейчас...

Сандерс. Нет, ты можешь не отвечать, если не хочешь.

Молли. Сейчас уже не знаю. Это же всё иллюзион, да? Обман... Не настоящее. Всё подстроено, видишь? *(Показывает на специальные отверстия в стенках ящика, куда втыкались шпаги).*

Санدرس. Кое-что всё-таки настоящее.

Молли. Что?

Санدرس. Эти шпаги. И моя любовь.

Молли. *(Покачивая головой).* Санدرس, Санدرس... Ты молодец. *(Подходит к нему, обнимает и целует).* Это будет самый лучший иллюзион. Я тебе обещаю... *(Они снова целуются).*

Сцена 8.

Входит Фэтч Данауэй.

Фэтч. Ой, а вы тут целуетесь. Я вам не помешала?

Санدرس. Что ты, Фэтч... Мы вообще уходить собирались.

Фэтч. Ага. А вы случайно Робби не видели? Моего Робби?

Молли. Нет.

Фэтч. Он, наверное, меня где-то ищет. Ну он, конечно, очень занятой, мой Робби. Он в команде самый лучший игрок, да. Но только я его что-то найти не могу.

Санدرس. Не знаю, не знаю, Фэтч, сам его не видел. Мне кажется, у него были проблемы со здоровьем. Его что-то часто тошнило в последнее время.

Фэтч. Бедняжка!

Санدرس. Нет, нет, ничего серьёзного. Неадекватная реакция на... на... Ну в общем, ты оставайся здесь, думаю, он должен скоро придти.

Фэтч. А, ну ладно.

Санدرس. Пока...

Молли. *(Тихо Сандерсу).* У меня презервативы есть...

Санدرس. Что?

Молли. У меня есть... Ну это, одевать на...

Санدرس. Идём, Молли. Как раз с тобой хотел обсудить один вопрос. Бывай, Фэтч. *(Уходят, Фэтч остаётся одна).*

Фэтч. *(Вздыхает).* У меня тоже есть презервативы. Два. И уже шесть лет. Интересно, сколько у них срок годности? *(Начинает ходить, примерять разные вещи, аксессуары, затем якобы выходит на арену и объявляет).* Впервые в вашем городе на арене этого цирка Её воздушство и изящество, мисс Лёгкость, Дива Полёта, воздушная гимнастка Фэтч Данауэй! *(Грациозно выходит, кланяется, начинает изображать номер воздушной гимнастки, скачет, прыгает, почти взлетает... Входит Роб).*

Роб. А почему дом трясётся?

Фэтч. *(Застывает).* А... Я тут, я это... Робби?

Роб. Этот ты, Фэтч. Так поздно, а ты... всё равно тут.

Фэтч. Я просто ждала тебя, Робби.

Роб. Я почувствовал это за милю.

Фэтч. Мне сказали, что ты болеешь. Милый мой, ты такой бледный. Что с тобой?

Роб. Ногу подвернул на тренировке.

Фэтч. А рвёт чего?

Роб. Кого рвёт?

Фэтч. Санدرس сказал, что ты болен и тебя рвёт.

Роб. А меня всегда, когда ногу подверну, рвать начинает. Организм такой. Да. Но я сюда так, на минутку заглянул. Проверить, всё ли в порядке, всё ли на месте. Здесь же надо держать ухо остро. Ну, вроде сегодня ничего не спёрли, так что я пошёл.

Фэтч. Робби...

Роб. Чего?

Фэтч. Неужели ты уйдёшь вот так, бросишь меня здесь совсем одну? Я же ради тебя и пришла.

Роб. *(Вздыхает)*. Ну конечно нет, Фэтч. Так и быть я с тобой посижу немного... *(Садятся рядом)*.

Фэтч. Робби, только ты меня не обманывай. Хорошо? Не надо лжи. Когда мой папа, чтоб ему все ноги переломало, начал ухаживать за моей мамой, он говорил ей, что любит её больше всего на свете и что даже собирается на ней жениться, просто найдёт сначала хорошую работу, где бы платили больше чем на мойке машин... Мойка Миллера, ну знаешь, там у реки.

Роб. Да, да.

Фэтч. А когда мама уже забеременела мной, он уехал в Вестхем, и дальше больше не вспомнил о ней. Она писала ему письма, а в ответ он написал ей, что никогда не любил, не обещал, и знать её не хочет.

Роб. Ты даже не знаешь, где он теперь?

Фэтч. Знаю, только что теперь от этого... Моя мама всё равно уже спилась. *(Пауза)*. Ты знаешь, Робби, когда мне плохо... А иногда мне бывает плохо, ведь все дразнят меня. Ещё шепчутся: “Вон идёт эта корова Фэтч Данауэй”, “смотрите у этой слонихи за ужин выросло ещё три подбородка”, “ей дать ещё табуретку или она уместится всего лишь на пяти”! Они-то шепчутся, а всё слышу... И что мне им сказать, если я такая толстуха? Но теперь-то я им скажу, что меня зато любит Робби Роуз! Вот так я им скажу, и они все заткнутся и позеленеют от зависти!

Роб. Так, говоришь, когда плохо...

Фэтч. Да. Я прихожу сюда, одна. И начинаю мечтать.

Роб. О чём?

Фэтч. Обо всём... То я представляю себя принцессой Маргарет, в бриллиантах, в диадеме на каком-нибудь королевском балу... И красавцы офицеры, морские, да, морские, приглашают меня на танец. Вальс... Танго... Один за другим, один за другим.

Роб. Ты умеешь танцевать?

Фэтч. Нет, а где я могла научиться? На школьных танцульках?

Роб. Да, я понимаю...

Фэтч. А иногда я представляю себя леди фон Клод! Ну эта кинозвезда... Вокруг неё всегда толпятся мужчины, а она их как будто не замечает. Как будто они все для неё не существуют. У неё перья в голове.

Роб. Какие?

Фэтч. Ну страусиновые, наверное, красиво — жутко! Она их всех отшивает. Ведь она дева, посвятившая себя всю, без остатка, искусству...

Роб. А я где-то читал, что её кто-то вздрючил.

Фэтч. Не может быть! Враки! Выдумки жёлтых газетёнок! Я им никогда не верю, ни одному слову... Ей это не надо, она чистая... Каждую секунду она думает только о своей роли. Следующей роли. Но больше всего я люблю представлять себя мошкой.

Роб. Кем?

Фэтч. Мошкой... Ну маленькой, незаметной мошкой, которая летает где хочет днём и ночью, никто её не замечает, а она знает всё. Она же в любую щёлочку может свободно просочиться...

Роб. *(Себе)*. Кто же её всё-таки вздрючил?

Фэтч. У меня до тебя, Робби, не было ни одного мужчины. Так вот... А у тебя?

Роб. Что?!

Фэтч. У тебя до меня были девушки?

Роб. Фэтч, ты же знаешь. Все знают. Я полгода встречался с Минни, но она оказалась такой самовлюблённой дурой! До этого Кэт, Рэчел, Мэри Мак Грегор, ну та была классная девчонка, жаль что отец её оказался таким дегенератом, однажды он застал нас в

родительской спальне, я тогда голышом прыгал со второго этажа, в акацию. Знаешь ли, не очень приятно голым задом и в акацию... А ещё раньше Кейт, Сандра, Лори, Бэтси, Одри...

Фэтч. *(Перебивая его)*. Роб, Роб, мне кажется, ты мне мало уделяешь внимания. Женщине надо уделять внимание. Любимой женщине. Почему ты мне не звонишь? Ты мне должен звонить хотя бы дважды в день, приглашать в кино. Вон, Рич Бэзил водит свою девушку в кино каждый день. А там он её целует и тискает. Ты должен сводить меня в кино. Ты должен целовать меня. И... И говорить, как ты меня любишь. Ты ведь меня любишь, Робби?

Роб. Люблю.

Фэтч. Робби... Вот так мы сидим рядом, счастливые, и нам никто-никто больше не нужен. Словно никого больше нет в целом свете. Поцелуй меня... *(Роб целует)*. Нет, нет, ещё... *(Роб снова целует)*. Я вся горю...

Роб. Ты знаешь, а мне как раз нужно идти. Я, конечно, тебя люблю и всё такое, я просто не люблю этих телячьих нежностей. Не по мне это, романтика, цветы, стишки... Меня от такого воротит. Собакам же не надо друг другу мозги пудрить, любишь — залазь и люби! Никто тебе не запрещает. Я так думаю... Короче, ты посиди тут, попредставляй себя мошкой, а я пойду машину помою, раз ты сама про мойку Миллера вспомнила. Пока. *(Встаёт и уходит. Фэтч одна)*.

Фэтч. *(Со вздохом)*. Ничего, что не водит в кино как Рич Бэзил. Главное, ведь, любит...

Сцена 9.

Входит Грэгстер.

Грэгстер. Кто любит?

Фэтч. А, Грэгстер, привет.

Грэгстер. Виделись. Так кто что любит?

Фэтч. Робби меня любит.

Грэгстер. Робби Роуз тебя любит?

Фэтч. Да, Робби Роуз меня любит.

Грэгстер. Хм.

Фэтч. Чего ты ухмыляешься?

Грэгстер. Ты же сказала, что Робби Роуз тебя любит.

Фэтч. И что в этом омерзительного?

Грэгстер. Ты что, серьёзно в это веришь?

Фэтч. Я это точно знаю. Он мне сам сказал. Да, обнял и поцеловал. Знал бы ты, как он меня поцеловал! Как страстно он меня поцеловал!

Грэгстер. Надеюсь также страстно как он целовал Кайли Джексон в баре сегодня. *(Фэтч встаёт и уходит, в последний момент оборачивается и тихо)*.

Фэтч. Ты обознался, Грэгстер. Ты обознался, это не Робби. Я читала, такое бывает. Обознался. *(Уходит)*.

Грэгстер. И погода сегодня какая-то гадкая. Надо выпить валерьяны. Трогательно... *(Отходит вглубь. В каком-то странном отрешённом состоянии входит Кортни. Она не замечает Грэгстера. Она начинает плакать, затем вдруг хватает нож и в бешенстве втыкает его в нарисованное мелом сердце на ящике)*.

Кортни. Вот тебе иллюзион! Вот! Вот! Вот! Вот вам ваш проклятый иллюзион!

Грэгстер. Кортни...

Кортни. Кто? Кто здесь?

Грэгстер. Это я, Грэгстер. Извини, я не хотел тебя напугать. Я там стоял, ты меня не заметила. Что произошло, Кортни? Что случилось?

Кортни. Да всё уже произошло...

Грэгстер. Ты откуда?

Кортни. Оттуда, со двора. Знаешь кусты раkitника у стоянки? Вот я там стояла... И смотрела.

Грэгстер. На что?

Кортни. На машину этого подонка Сандерса.

Грэгстер. И что?

Кортни. И ничего. Её тощие ноги торчали из окон, как два штыря!

Грэгстер. Ноги Молли?

Кортни. Нет, ноги Папы Римского! Конечно ходули этой потаскухи Молли! Я даже могла разглядеть дешёвый, синий лак на её грязных ногах! Как он мог со мной так поступить? Я просто не понимаю... Не понимаю. Он же сам, сам на прошлой неделе зажал меня в углу, уговаривал меня вступить в Цирк. Уговаривал – уговаривал, а рукой-то шарил где надо. Сандерс, умеет уговаривать...

Грэгстер. Сандерс дурак. Он не понял, что профукал.

Кортни. А потом эта выходка.

Грэгстер. Какая выходка?

Кортни. Нет, мне плевать на этот иллюзион! Мне плевать на него! Но как он мог при всех так со мной поступить? Я этого не понимаю! Я что, этого заслужила? Я дала повод? С двенадцати лет я выигрываю все конкурсы красоты в этом занюханом городе! Я без вариантов становлюсь королевой выпускного школьного бала. Меня снимают и вешают, как лицо сети заправок Тейта!

Грэгстер. Я заправляюсь только у Тейта...

Кортни. Я не понимаю, Грэгстер, неужели я недостаточно красива?

Грэгстер. Ты самая красивая девушка из всех, что я видел в своей жизни.

Кортни. Я не понимаю. Ладно он не любит красивых. Всякое может быть, мужчины иногда совершенно извращены в своих страстях. Кстати, мужиков, у меня было не много, в отличие от этой проשמандовки Молли, ноги которой торчали из половины машин этого графства, не считая тех случаев, когда она раздвигала их в других местах. И ты думаешь, он об этом не знает? Знает! Ладно, он не любит красивых, а любит умных! Бывает! Так что, разве я не умна?

Грэгстер. Умна... Очень умна.

Кортни. Не говоря уже просто об образовании. Я выиграла олимпиаду по английской истории. Она же двух слов связать не может, не мечтая уже о том, чтобы подумать о чём-нибудь кроме: “Молли хочет жрать! Молли хочет спать! Молли хочет мужика!” Терпеть этого не могу! Это меня просто убивает!

Грэгстер. Кортни...

Кортни. И теперь давай обобщим, давай просто обобщим: я — красивая, умная, с чувством юмора, меры и вкуса. И мелкая, тупая, ограниченная шмакодявка! С носом кнопкой и глазами как две луковицы. И кого он выбирает? Её! Кого он делает своей ассистенткой? Её! Кого он тискает в своей раздолбанной машине? Её! *(Она снова начинает сбиваться на плач)*. Но ведь это же несправедливо. Это просто кошмар!

Грэгстер. Тише, Кортни, тише. Он просто тебя не стоит. Разве этот хмырь может оценить такую шикарную девицу как ты? Он же ничего не соображает. Да и вообще, Кортни, на хрена он тебе? Он же фантик.

Кортни. Какой фантик?

Грэгстер. Яркий фантик с дрянной карамелью внутри, десять пенсов за фунт. Подумай сама, зачем он тебе?

Кортни. А ты можешь предложить что-нибудь взамен...

Грэгстер. Могу.

Кортни. Что?

Грэгстер. Себя.

Кортни. Чего?!

Грэгстер. Послушай, Кортни, я не шучу. Подумай сама, тебе нужен другой человек, не такой как Сандерс. Тебе нужен человек дела. Такой как я. Тебе нужен человек, который по достоинству сумеет оценить твою красоту, ум, вкус, прелести и всё такое. Тебе не нужна мелкая сошка. Сандерс думает, что это его цирк, но он не умеет решать дела. Вот увидишь, мы начнём работать по городам, и уже через месяц он будет ходить по струнке передо мной. А через три я его выгоню, если... если ты захочешь. Кортни, поверь, я тебя люблю так сильно, как только могу.

Кортни. Жаль.

Грэгстер. Что жаль?

Кортни. Жаль, если ты действительно думаешь, что я могу полюбить такую толстую, обрюзгшую тушу как ты. Ты мне отвратителен, Грэгстер. От одного твоего вида меня начинает выворачивать наизнанку. Если ты до меня дотронешься, меня вырвет. Если ты меня поцелуешь, я просто сдохну от отвращения. Хочешь с кем-нибудь решить свои проблемы, можешь предложить свою руку, сердце и, если есть, что там ещё Фэтч Данауэй. Может, она это оценит по достоинству... Пока, Босс. *(Уходит. Он один. Хватает нож и со всех сил бьёт в сердце на ящике. Опускает нож и отходит... Входит Фэтч Данауэй).*

Фэтч. А... Ты ещё здесь. *(Садится. Они некоторое время сидят молча).*

Грэгстер. Ты знаешь, Фэтч, ты права, я... Я обознался на счёт Роба. Это был действительно не он.

Фэтч. Какое это теперь может иметь значение... *(Пауза).*

Грэгстер. Погода сегодня неважная. Я не люблю, когда погода меняется. Мне тогда таз крутит.

Фэтч. Что крутит?

Грэгстер. Таз. Это здесь...

Фэтч. А... А я люблю, когда пемзой по пятке терут.

Грэгстер. Пемзой по пятке? Да, это приятно. А я люблю, когда пломба выпадает и кариес, и языком туда лезть.

Фэтч. А, и тогда так невкусно во рту, да?

Грэгстер. А мне нравится.

Фэтч. А я люблю газы выхлопные нюхать. Стать за машиной, и чтоб когда заводится...

Грэгстер. Мне в детстве тоже нравилось. Я у папиной машины нюхал. У папы тогда был Кадиллак — вонючая машина... А сейчас люблю носки свои нюхать.

Фэтч. Фу!

Грэгстер. Но это же мои носки.

Фэтч. А я люблю чесать между пальцами...

Грэгстер. Никогда не пробовал. Между какими, рук или ног?

Фэтч. Я люблю — ног. Но не знаю как кому нравится... *(Пауза).* Люблю трюфельный торт.

Грэгстер. Трогательно. А я — как хрустят тараканы, когда их ботинком давишь... И корочку от жареной курицы отдирать.

Фэтч. Интересно, неужели это действительно так приятно...

Грэгстер. Что?

Фэтч. Ну секс. Все говорят, что это так приятно. Говорят, что это удовольствие какое-то. Правда, мне рассказывали, иногда больно бывает. Но вообще, говорят, это приятно... Мне кажется, это ничего особенного, мало ли сколько в жизни приятных вещей... У тебя когда-нибудь был секс?

Грэгстер. Был. *(Пауза).* Не было, честно говоря... Что-то не получилось. Однажды, я решил, что мне пора уже попробовать, я взял деньги и решил нанять эту, ну публичную девку. Я слышал, что многие так делают. Только у нас их здесь нет. И я поехал в Бристоль. Ну там их много, разных... Да. Они прямо этим зарабатывают. И вот одна такая отвела меня в комнату, а я не смог. Ну, не то что не смог, я не смог остаться. Ушёл сразу же, потому что мне вдруг так стыдно стало раздеваться перед незнакомой женщиной, да ещё старше меня... Она бы

ещё подумала что. Да и погода была какая-то непонятная... Я оставил ей деньги и ушёл. Вот так.

Фэтч. А может, это ничего такого интересного. Ну спариваться. Можно же и без этого жить.

Грэгстер. Можно.

Фэтч. Только всё равно интересно. Ничего такого, просто интересно.

Грэгстер. Ага. (*Смотрят друг на друга*).

Фэтч. А меня на тебя не тянет.

Грэгстер. И меня тоже...

Фэтч. (*Вздыхает*). Это наверно погода...

Грэгстер. Это точно погода...

Они сидят вместе.

Затемнение.

Сцена 10.

Входят Сандерс и Богарт.

Сандерс. Ну вот, это здесь. Смотрите...

Богарт. Любопытно.

Сандерс. Вот, здесь мы будем выступать. Это, конечно, не настоящая арена. Но всё остальное настоящее. Я сам покупал у одного разорившегося антрепренёра в Бристоле. Вот, посмотрите... Реквизит, костюмы.

Богарт. Нет, это всё любопытно.

Сандерс. Я... Я так рад, что вы согласились прийти сюда. Сам великий Богарт. Король иллюзиона Хамфри Богарт! Гений волшебства и хранитель Тайны! Всемогущий Хамфри Богарт! Это для меня просто счастье, что вы согласились прийти.

Богарт. Как вам мало надо для счастья, молодой человек.

Сандерс. Вы иронизируете...

Богарт. Что вы, просто я в вашем возрасте требовал от жизни большего.

Сандерс. Чего?

Богарт. Всего. То есть чуда. (*В его руке невероятным образом появляется огромный цветок*).

Сандерс. Потрясающе...

Богарт. Но я давно не выступаю. Лет тридцать уже. Впрочем... (*Указывает на ящик*). Это и есть он?

Сандерс. Да.

Богарт. Номер со шпагами... Когда-то великий Мазини, ты его не знаешь. Ты его не можешь знать, он работал ещё тогда, когда я ещё читал по слогам а волосы мои были белокурыми и вились, как у ангела... Так вот, великий Мазини протыкал свой ящик восемнадцатью шпагами. Он протыкал свою жену, утверждая, что его стерву не заколешь и пятьюдесятью. До сих пор не знаю, как он это делал. Когда он умирал, он велел при нём разломать его ящик...

Сандерс. Восемнадцатью?

Богарт. Надо иметь свою тайну, сынок. У тебя есть своя тайна?

Сандерс. Нет.

Богарт. Каждый из могучих: Мазини, Конрад, Фрицлер, Богарт — не теперешний, тот Богарт, Гудини — каждый имел свою тайну...

Сандерс. А какая была ваша тайна?

Богарт. Хм... (*Он пальцем прикуривает сигару*). Тайна... Что ты знаешь?

Сандерс. О чём? О тайнах?

Богарт. О том, чем ты хочешь заняться?

Сандерс. Ну я знаю, как он работает. Ну этот номер, ящик. Там ложбинки, механизм...

Богарт. (*Усмехается*). Механизм... Нет, у иллюзиониста механизм находится здесь. (*Он указывает себе на голову*). Понимаешь? (*Берёт какой-то котелок из циркового реквизита и вдруг достаёт оттуда кролика*).

Сандерс. (*Поражённый*). Но как?!

Богарт. Нет, всё потеряно... (*Кролику*). Всё потеряно... Суть иллюзиона, смысл иллюзии — вот в чём великая тайна этого искусства. Вся жизни, вся жизнь людей состоит из иллюзий. А что делает иллюзионист? Ты знаешь это, сынок? Люди принимают иллюзии за правду.

Сандерс. И что же делать мне?

Богарт. Показывать им правду.

Сандерс. Которую они сочтут за иллюзию...

Богарт. Молодец, сынок. Ты сделал первый шаг. Но и это ещё не всё... Ты спросил меня, почему я ушёл? Правильно?

Сандерс. Да, сэр.

Богарт. Я расскажу, но не для того, чтобы позабавить тебя, а для того, чтобы ты принял одно решение. Однажды я выступал в Милане. Мой номер был гвоздём программы: исчезновение людей с переодеванием. Номер не получился, что-то заело, и зеркало повернулось под неправильным углом. Публика увидела, как моя ассистентка стоит в кулисах и переодевается. Они видели её совершенно голой, в чём мама родила, как говорится. Теперь этим никого не удивишь, а тогда... Ассистентка не заметила сбоя и спокойно снимала один костюм и надевала другой. Ты не представляешь с каким вниманием, с каким упоением публика следила за этим. Стояла такая тишина, что я услышал как захихикал какой-то ребёнок и испортила воздух некая гранд-дама... Им было интересно. Простое переодевание им было в тысячу раз интересней чем чудеса с исчезновением! И тогда я понял, жизнь — вот кладёшь чудес! Простая человеческая жизнь, понимаешь? И чтобы сравниться с ней нужно либо сделать цирк своей настоящей жизнью. Либо жизнь настоящим цирком.

Сандерс. А иначе?

Богарт. Иначе всё бесполезно.

Сандерс. А как же тайна иллюзии?

Богарт. Как, ты ещё не понял? (*Исчезает*).

Сандерс. Нет. То есть... То есть это же всё не настоящее, это всё обман, так?

Богарт. (*Неизвестно откуда*). Ошибка. Иллюзионист не занимается обманом. Он создаёт его видимость...

Сандерс. Не понимаю...

Богарт. Ты меня видишь?

Сандерс. Нет. Где вы?

Богарт. Не далеко. Даже ближе, чем ты думаешь... (*Вдруг появляется у него из-за спины*).

Сандерс. Но...

Богарт. Не задавай вопросов, сынок. Вот видишь? Иногда, то, что ты не видишь что-то, ещё не означает, что этого нет. А то что ты видишь — не всегда существует. (*Засовывает кролика в шляпу и отдаёт её Сандерсу. Тот вертит её в руках — она пуста*). Наши глаза нас обманывают. Наши уши нас обманывают. Наши знания, надежды, вера, чувства нас обманывают. Всё, всё является иллюзиями, видимостью и обманом...

Сандерс. Что же не является иллюзиями?

Богарт. Как, неужели ты не понял?

Сандерс. Нет, сэр. Если всё так обманчиво, что не является иллюзией?

Богарт. Ну как... Конечно же наши иллюзии. (*Исчезает*).

Сандерс. Мистер Богарт, мистер Богарт... Ушёл. Наши иллюзии — это единственное, что иллюзией не является. Неужели... (*Он вдруг что-то замечает, нагибается к ящику и вытаскивает из-за него белого кролика*). Ах вот ты где, трусишка. Хм... Слышал, что сказал великий Богарт? А понял? Вот я тоже не уверен... (*С кроликом уходит*).

Сцена 11.

В зале Сандерс, Молли, Кортни, Фэтч и Грэгстер.

Сандерс. Ну вот и всё, послезавтра мы выступаем! Все билеты проданы, даже те, которые по два шиллинга — будет весь город. Даже мистер Ригетс с семьёй. Наша задумка сработала. Знаменитая труппа Флэри из Монте-Карло приехала в этот город!

Роб. Какая Флэри?

Кортни. Да это мы, дурак! Мы — Флэри из Монте-Карло.

Роб. А...

Сандерс. Но об этом никто не знает. И не должен узнать до завтра. Ох, представляю, что с ними будет, когда они увидят нас на арене. Завтра наш звёздный час! Завтра момент истины! Завтра мы либо перевернём этот мир, либо навечно покроем себя позором... А должны перевернуть!

Роб. А выручка?

Сандерс. Поделим после представления — ведомости у Грэгстера. Но перед тем, как мы сейчас разойдёмся до завтра, я хочу чтобы каждый из нас чётко понял, чем мы занимаемся и зачем мы это делаем. Цирк для меня — это не просто занятие, хобби или способ разжиться. Цирк — это возможность улететь на другую планету! Возможность изменить всё и всех! Стать свободным! Стать собой... Я верю в него всей душой. И я готов его делать до конца! Но если кто-то здесь сейчас скажет: “Сандерс, парень, всё это ясно, но не про меня. И по большому-то счёту мне на это наложить, а пришёл я сюда только чтобы деньжонок заработать или от скуки, или по личным обстоятельствам, или из любопытства”... Я пойму этого человека. Но скажу ему сразу, что он должен уйти. Уйти ради его же блага.

Роб. Не, никто не скажет. Мы столько вместе, столько репетировали... Серьёзно, мы с тобой, Сан!

Сандерс. Пусть каждый подумает. Молли?

Молли. Я всегда с тобой, Сандерс.

Сандерс. Кортни?

Кортни. Ты не представляешь как мне здесь хреново, Сандерс. Но я хочу быть чёртовой жонглёршей! И хоть вы меня рвите крючьями, я не могу отсюда уйти!

Сандерс. Фэтч?

Фэтч. Я с вами. Я просто счастлива, что я с вами.

Сандерс. Грэгстер?

Грэгстер. Я не фанат, но это стоящее дело. Может, я делаю самую большую ошибку в своей жизни, но Бог знает почему, я её делаю.

Сандерс. Мы вместе! И теперь мы все, все должны поклясться сейчас друг перед другом, что бы завтра не случилось, что бы ни произошло — мы сделаем это представление, доведём его до конца и изменим мир!

Молли. Что бы ни случилось?

Сандерс. Что бы ни случилось!

Фэтч. До конца?

Сандерс. До финала! Клятва! А теперь всё, расходимся, встречаемся здесь, завтра, в три... *(Уходит. За ним потихоньку собираются и уходят остальные).*

Сцена 12.

Входят Роб, Молли, Кортни, Фэтч и Грэгстер.

Молли. Нам надо всё привести в порядок. Скоро представление. А я так боюсь...

Роб. Чего бояться? Делать, так уже делать, я так понимаю... *(Начинают готовить арену. Раскладывают реквизит ставят ящик. Входит Сандерс. Он странный)*.

Сандерс. Привет всем.

Молли. Привет... Что с тобой?

Сандерс. Ничего. Как дела?

Роб. Нормально. Видишь, приводим всё в порядок... Готовимся.

Сандерс. Ну и напрасно.

Кортни. Что?

Сандерс. Напрасно готовитесь. Ничего не будет.

Роб. О чём ты, Сан?

Молли. Сандерс, ты что?

Сандерс. Ничего. Всё нормально. Просто всё отменяется.

Кортни. Почему?

Сандерс. Потому что я так решил. Я передумал.

Роб. Что-то с ним не то...

Грэгстер. На пьяного вроде не похож. Может, он в секту какую попал?

Фэтч. Заболел...

Сандерс. Да отстаньте вы от меня. Всё нормально. Ну если хотите, можете считать, что у меня было прозрение. Откровение свыше... *(Пауза)*. Я понял суть иллюзии. Так бывает, ни с того ни с сего. Понял... Как рубильник ночью кто-то повернул... Всё-таки чертовски умён этот Хамфри Богарт.

Молли. Кто?

Фэтч. Какой рубильник?

Сандерс. Чего вы на меня так смотрите? Нет, нельзя делать то, что ты не в силах сделать... Бесполезно. Просто в какой-то момент становится тошно заниматься бесполезными вещами. Нет, серьёзно, глупо. Подумайте сами... *(Пауза)*. А что полезно? Честно говоря, сейчас ничего не хочется. Не знаю... Какого-то тупого, простого, честного занятия не хватает. Надо идти в штукатурку, вот что я скажу. Или не идти никуда...

Роб. А может, и заболел...

Молли. Про что ты такое говоришь, Сандерс? Что ты такое говоришь? Зачем?

Сандерс. Затем, что это правда. И мне захотелось её сказать. Затем, что никто кроме меня не осмелился это сказать. Впрочем, это ничего не меняет. Ничто ничего не меняет.

Грэгстер. Я ничего не понимаю!

Кортни. Что-то произошло. Это ясно. Хватит скулить, Сандерс, объясни что к чему.

Сандерс. У нас пива нет? Что-то очень хочется пива... Всё ведь так просто. Очень хочется чего-то простого, обыденного... Того, что каждый день. Вот что интересно. Интересно то, что рядом, а не эти заумные, космические дали... Чудеса... Чудес не бывает.

Молли. Значит, не будет “Иллюзиона”?

Сандерс. Мир не изменить.

Кортни. А попробовать?

Сандерс. Я прочитал в газете, что один человек каждый день приходил в один и тот же сквер, каждый день в течении пятидесяти лет. А однажды, сквер закрыли — эти улицы перепланировали. И он умер.

Фэтч. От того, что закрыли?

Сандерс. Нет, от воспаления лёгких. Вот так-то... Хочется пива. Имбирного пива с фисташками. Вот чего хочу. Вот этим я займусь с запалом. Пойдём, Молли, в “Старый койот”. Потом ко мне домой поедём... Хорошо время проведём. К чёрту всё это! К чёрту иллюзии... Слушайте, а пойдёмте все. Посидим. Поговорим. Выпьём. К чёрту всё! К чёрту цирк! Серьёзно...

Молли. Но мы же...

Кортни. *(Странно смотрит на Сандерса)*. А действительно, пойдёмте. Пойдёмте, посидим. Мне тоже расхотелось всем этим заниматься...

Роб. Ну если вы хотите...

Молли. Но мы же репетировали...

Сандерс. Завтра пойдём в кино, Молли. Сходим в кино, а? Хороший фильм привезли в “Холлидэй инн”.

Молли. Мне домой надо. Я к тебе не поеду сегодня, Сандерс.

Грэгстер. Так что, в “Старый койот”?

Сандерс. Да, в “Старый койот”.

Фэтч. А с этим что? *(Указывает на реквизит).*

Сандерс. Продадим. Нет, это не проблема... Идиотов на свете даже больше, чем островов в Тихом океане. Конечно, немного потеряю. Ну да ладно... Я хочу поехать в Америку. Серьёзно. Да, я понял, я хочу в Америку. Молли, ты хочешь в Америку?

Молли. Нет.

Сандерс. А ты, Кортни?

Кортни. Нет.

Фэтч. Я хочу...

Сандерс. Пойдёмте. Что-то тут мрачная обстановка... Пойдёмте жить! Давайте будем гоями! Давайте плясать чачу и пить “мартини”! Давайте будем аморальными! Идёмте жить. В этом смысл... В простой человеческой жизни. Пошли... А там чего-нибудь придумаем! Новая жизни — новая афёра! Нужен блюз... *(Берёт Молли за руку и идёт к выходу. За ними идёт Кортни и Грэгстер. Фэтч замешкалась).*

Роб. Слушай, Фэтч.

Фэтч. Не надо, Робби... Сегодня день, который расставил всё на свои места, да?

Роб. Да, но я хотел...

Фэтч. А ты знаешь, за эти недели я сбросила двадцать фунтов.

Роб. Здорово. *(Пауза).* Я рад за тебя, Фэтч. Я пойду...

Фэтч. До завтра, Робби.

Роб. До завтра, Фэтч. *(Уходит).*

Фэтч. Хороших тебе снов, Робби... *(Фэтч остаётся одна, с интересом рассматривает музыкальные инструменты, затем не выдерживает соблазна и надевает амуницию Человека-оркестра: большой заплочный барабан с тарелками, губную гармошку, берёт в руки трубу. Проверяет в ней подудеть. Затем проверяет ещё раз. Нажимает на педаль барабана. Затем тарелок. Затем всё это вместе и...)*

АКТ 3.

Сцена 13.

На сцену цирка под фанфары в лучах прожекторов выбегает клоун.

Грэгстер. Сиятельнейшая публика! Приветствуем вас! Почему приветствуем? Потому что вот так — я Бим! *(Что-то одним движением меняет в своей внешности).* А вот так — я Бом! И эти две мои сущности зачастую враждуют! Да потому что ты полный остолоп, Бим! *(Снова меняется).* Быть остолопом рядом с тобой, это комплемент, Бом! *(Меняется).* Да я тебе сейчас все уши надеру, Бим! *(Вцепляется себе в ухо. Меняется.).* И я тебе уши надеру, Бом! *(Вцепляется себе в другое ухо).* Вот тебе вот тебе, вот тебе, вот! А-а-а! *(Начинает реветь).* Вот так иногда и приходится драть себе уши! Вот поэтому и приветствуем вас, сиятельнейшая публика!

Только сегодня знаменитая труппа Флёр из Монте-Карло покажет вам своё уникальное, фантастическое, потрясающее представление! “Иллюзион или любовь до ящика”! Ха-ха-ха! На арене цирка вас ожидают уникальные номера: силовая атлетика — есть ли предел человеческим возможностям? Жонглирование необычными предметами!

Клоунада! И наконец гвоздь сезона, супермагическое представление — ИЛЛЮЗИОН! Аплодисменты, господа! Аплодисменты!

Но один из номеров нашего цирка вы уже можете видеть! Смотрите и ужасайтесь! Человек-оркестр! Много органики и никакой механики! Ха-ха-ха! Играет на всех инструментах, включая орган в соборе Святого Петра и нервы! Ха-ха! Но только не просите её танцевать — последний раз, когда она танцевала, в Лос-Анджелесе случилось землетрясение! Вальс — землетрясение в три балла! Танго — в пять баллов! Твист — семь баллов! От рок-н-ролла возможно землетрясение в пятнадцать баллов по шкале Рихтера! И полный конец цивилизации! Аплодисменты, господа, аплодисменты. Человек-оркестр!

Итак, я вижу сегодня собралась прекрасная публика! Мистер Ригетс в третьем ряду, приветствуем мистера Ригетса, мисс Грунсдейл — как поживает ваша геотектоническая плита? Надеюсь, не очень сдвинулась? Ха-ха! Мистер и мисс Роуз! Пришли с кочергой? Весь цвет общественности нашего города... Но я слышу громкие шаги. Это к арене приближается он! Всемирно известный атлет — Иван Иванов из Сибири! И его уникальный номер — “Десять тон как съест батон!” Ха-ха! Встречаем, господа, встречаем...

Выходит Роб.

Посмотрите на него! Посмотрите на его мускулы! В своей Сибири Иван известен как победитель львов! Он разрывает их на части! И больше, чем разрывать львов он любит только... разрывать слонов! Коих, как известно, в Сибири пруд пруди! Прошу, маэстро! *(Он отходит. Фэтч играет. Робби выносит на арену гирию).*

Роб. Господа, в этой гире пятьдесят фунтов прекрасного русского чугуна. Прошу вас, проверьте. Прошу, убедитесь. *(Предлагает зрителю убедиться).* Сейчас я подыму её рукой пятнадцать раз... *(Берёт гирию, ставит за ящик и достаёт такую же бутафорскую. Все это видят).* Начинайте считать! *(Начинает поднимать, Фэтч отбивает в барабан).* ... двенадцать, тринадцать, четырнадцать... *(Делает вид, что ему не хватает сил. Он тужится и...).* Пятнадцать!

Грэгстер. Bravo! Bravo великому русскому медведю Ивану Иванову! Победителю сибирских львов и носорогов!

Роб. *(Сквозь зубы).* Слонов...

Грэгстер. Слонов и носорогов! Bravo, аплодисменты...

Роб кланяется и уходит.

Но это была только разминка! Я бы сказал — гимнастика! Ха-ха. Следующий номер произвёл фурор в Париже, Копенгагене, Ницце и Неаполе! А также на берегу Слоновой Кости и в Гренландии! Самая красивая женщина в мире подбрасывает в воздух различные предметы! Величайшая мастерица ручных дел — мадам Фонтенбло из Фонтенбло! Встречайте...

Выходит Кортни в ослепительном наряде.

Ну же, не стесняйтесь выражать ваши восторги, и кто знает, может, именно вас мадам Фонтенбло озарит своей ошеломительной улыбкой! Аплодисменты! Прошу вас, мадам Фонтенбло! *(Кортни красиво становится, готовится и начинает жонглировать — не получается, всё падает. Собирает предметы, готовится и снова начинает. Снова всё падает).*

Кортни. Твою мать...

Грэгстер. Ах, этот очаровательный французский юмор... *(Из кулис высовывается голова Сандерса, он шипит Кортни).*

Сандерс. Ну соберись, ты же можешь... *(Он делает знак Грэгстеру, тот кивает).*

Грэгстер. Давайте все вместе поддержим мадам Фонтенбло! (*Фэтч начинает отбивать ритм на аплодисменты, Грэгстер показывает как надо хлопать в ладоши*). Итак, мадам Фонтенбло! (*Кортни ещё раз становится, готовится и начинает жонглировать. У неё получается. Она ловит все предметы. Шикарно кланяется*). Не правда ли, это было фантастически! Аплодисменты мадам Фонтенбло!

Кортни уходит.

А теперь, дамы и господа, приготовьтесь! То, что ещё не видел ни один человек, впервые в мире — настоящая магия, игра со смертью на ваших глазах, величайший номер всех времён и народов, великий и ужасный — ИЛЛЮЗИОН! Слабонервных и впечатлительных попрошу покинуть зал...

Входят Сандерс и Молли.

(*Другим голосом*). Эта история произошла давно, в тёмные времена, когда люди резали друг друга без счёта и выстригали себе виски и затылки. Когда чума ходила по деревням и собирала свою страшную дань... И вот в те далёкие времена жил великий колдун. Он уже жил триста лет, и всё это время он рыскал по земле и искал вечную любовь. И вот однажды он встретил девушку... С первого взгляда он полюбил её, а она полюбила его. Но колдун не знал та ли это любовь... Та ли это вечная, всемогущая любовь, которую он искал всю свою жизнь. И тогда он предложил этой девушке страшное, смертельное испытание!

Сандерс отводит и ставит Молли в ящик, закрывает его и начинает запирает.

Сандерс. Любимая, я запираю тебя в этом тесном, ужасном ящике, чтобы проверить твоё сердце. Любишь ли ты меня?

Молли. Люблю, свет мой...

Сандерс. Сильно любишь?

Молли. Больше жизни.

Сандерс. Знай же, если наша с тобой любовь сильнее смерти, прочнее стали и дерева, честнее страха, выше надежды, если наша с тобой любовь — это та самая, вечная любовь, которую я ищу, то эти клинки пройдут сквозь ящик и не причинят тебе никакого вреда. Но если мы лжём друг другу, хоть в самой малой толике, если кто-то из нас лжёт — то металл насквозь проткнёт твоё тело. Готова ли ты, моя любимая?

Молли. Да, любимый, я готова... Потому что моя любовь сильнее всего.

Он берёт шпаги, подходит к зрителям, давая им возможность убедиться, что клинки настоящие, затем идёт к ящику и протыкает его первой шпагой. Затем другой, третьей.

Сандерс. Последняя для сердца. (*Он втыкает в нарисованное мелом на дверце большое сердце, как раз напротив её груди*).

Молли. Ах...

Грэгстер. Посмотрим, выдержала ли испытание их любовь?

Сандерс начинает вынимать шпаги одну за другой. Наконец последнюю он вытягивает из сердца. Шпага в крови. Он открывает дверцу. Там стоит Молли, платье в крови. Пауза. Она почти валится ему на руки. Он в шоке. Она всё ещё пытается улыбаться.

Молли. (*На ухо ему*). Держи меня... (*Сандерс, ошарашенный, подхватывает её на руки. Она погромче, с трудом*). Любовь ненастоящая, я... я обманула его...

Грэгстер. (*Сквозь зубы*). Что мне делать?

Молли. Клятва... Мы должны... до конца.

Грэгстер. Что делать?

Сандерс. Дальше! Продолжай. *(Уходит с Молли на руках. Грэгстер делает знак Фэтч играть. Пауза.)*

Грэгстер. Вот чего стоит любовь в наши времена... Вот, дорогие друзья, вы всё видели, к чему приводит ложь в семейных отношениях... Не беспокойтесь, кровь, естественно, не настоящая... Продолжаем наше представление! И на очереди долгожданная клоунада! Правда, Бим? *(Меняется)*. Правда, Бом! Сейчас я, клоун Бом, на ваших глазах разыграю номер “Соблазнение человека-оркестра!” *(Меняется)*. Нет, это я, клоун Бим, разыграю “Соблазнение человека-оркестра!” *(Меняется)*. Не лезь, не в своё дело, Бом! *(Меняется)*. Отстань от меня, Бим! Итак, “Соблазнение человека-оркестр”!

Начинает разыгрывать пантомиму и клоунаду. Фэтч отвечает игрой на различных инструментах.

Затемнение.

Сцена 14.

Закулисы цирка. Где-то на арене продолжается клоунада. Доносятся её звуки. На полу Молли, струи крови по белому платью. Вокруг Сандерс, Роб и Кортни.

Молли. Всё... всё ведь прошло хорошо? А, ребята?

Сандерс. Да, Молли.

Молли. А публика?

Сандерс. Понравилось. Никто ничего не заметил... Ты молодец.

Роб. Да, было классно. Серьёзно говорю.

Молли. С... Сандерс, я хочу поговорить с тобой. *(Сандерс смотрит на остальных, все уходят)*.

Роб. *(Уходя)*. Держись, Молли, скорая уже едет...

Молли. С... Сандерс, я хочу сказать, что это была настоящая любовь... Настоящая, та самая... Я тебя не обманывала.

Сандерс. Молли, любимая...

Молли. Я умираю, Сандерс.

Сандерс. Нет, Молли, ты что... Слышала, что Роб сказал? Сейчас приедет...

Молли. Я не хочу, чтобы тебя сажали в тюрьму из-за меня. Я так люблю тебя.

Сандерс. Молли...

Молли. Это ведь так случайно произошло, ну то, что ты убил меня, роковая случайность, как бы сказала моя мама. Ты им так и скажи. Скажи, что я просила не сажать тебя в тюрьму...

Сандерс. Молли, Молли, любимая, прости меня... Молли, не умирай, что же теперь мне со всем этим делать? Это же всё закроют...

Молли. Я умираю, Сандерс. Поцелуй меня... *(Она затихает, он плачет, целует её, прижимает к себе...)*

Сандерс. Молли, всё, хватит. Я обманул тебя. Всех... Хорошо придумали. Это же цирковой номер. Просто цирк, иллюзион... Можешь, дальше не играть. Это же обман. Обман. Иллюзия. Слышишь меня? Теперь всё... Всё... *(Она не отвечает. Где-то продолжается весёлая, музыкальная клоунада...)*

Затемнение.

Никого. Стоит ящик иллюзиониста, у него открыта створка, и на просвет, там, где мелом нарисовано сердце видны три отверстия — одно, сделанное специально для фокуса, и

два других, пробитых ударами ножа, в одно из которых и сунул по случайности шпагу злосчастный Сандерс Финчер.